

С.С. АКАШЕВА

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ БЫТИЯ ЧАБАНА В ПОВЕСТИ «ОЛИАРА» О. БОКЕЕВА

Конец XX века в казахской прозе примечателен художественными открытиями, произведениями авангардистского характера. Фольклоризм, мифологизм, символика, религиозное сознание в сюжете, композиции, образах и стилистике романов и повестей А.Кекильбаева, М.Магауина, Р.Сейсенбаева, О.Бокеева, Д.Исабекова, Д. Досжана, К. Искакова и других писателей, восходящие к классической казахской литературе и мировым культурным традициям, отражают различные общественные ситуации и изменения в сознании человека.

Соотнесенность частного и общего как традиция мировой литературы обозначается в повести «Олиара» [1] О.Бокеева, в которой просматриваются его постмодернистские взгляды. Повесть интересна разнообразием проблем и вопросов, допускающих различные подходы при их изучении. В понятие о нестабильности бытия человека, одного из актуальных вопросов в философских и литературных концепциях Ф.Ницше, М.Фуко, М.Хайдеггера, Ж.Дерриды, Л.Витгенштейна, Дж.Дьюи, В.И.Красникова и других мыслителей, писатель вкладывает смысл жизни чабана, уделяя первостепенное внимание различиям, чем общему. Его аналитический поиск ведет к национальным традициям, рассмотрению несогласованности внутри них, культурному наследству и проясняет вопрос о проблеме поколений. Повесть ориентирована на быт казахского аула, где дом и школа предстают основой образования и воспитания человека, на архетипы природы, любви, смерти.

Писатель предлагает иную точку зрения на бытие Чабана, представив его в роли страдающего героя, жертвы, обреченной на неудачу и гибель. Имя его не называется в повести, поэтому образ Чабана является во многом олицетворением чабанов аула и носит обобщенный характер. После школы Чабан, один из немногих, остается в ауле пасти овец, следуя комсомольскому почину не отступать от традиций старшего поколения.

В своем бессмысленном выборе Чабан руководствуется прагматическими соображениями педагогов, навязавших выпускникам школы свои убеждения о национальных традициях и преемственности поколений. Основным же побуждением в выборе профессии Чабана стало то, что его отец сорок лет работал чабаном и знал «высокую честь – быть хорошим человеком и чабаном». Своим поступком Чабан предаёт мечту учиться на художника и тем самым осуществить культурные достижения в обществе.

В чабанском труде, некогда составлявшим смысл существования кочевника, он видит нестыковку культур, неспособность людей к общению друг с другом. Он стремится пережить заново заботы Чабанов о хлебе насущном, о благе своей семьи, ощущая себя частью быта и пейзажа гор и степей, неразрывных с беспечными и беззаботными овцами. Чабан также пытается внести в свой аул ясность и гармонию, проникнуть в тихий мир стариков. Мысли Чабана, мечтающего увидеть что-то там за горизонтом, вбирают в себя эстетические, духовно-нравственные вопросы. Они раскрывают в нем человека, который хотел бы интегрировать в культуры других народов, гармонизировать человеческие отношения: «Неужели для этого я родился на свет?.. Куда я уйду от овец своих? Нашлась бы для меня другая жизнь, чем эта, среди тишины великих гор? А что, если взять да и поехать в далекие чужие страны, к иным людям. Сесть бы на Мухортого, перевалить Алтай... сказать всему миру: «Чужие, странные народы! Здравствуйтесь! Это я! Не чурайтесь меня! Голос у меня зычный, чабанский, все услышали бы... Только поглотят мой голос пространства и годы, тысячи лет человеческой вражды. А зачем? Зачем враждовать нам, люди? Не мы ли сами приучили себя к дурному? Зачем мы грыземся друг с другом испокон веков? Зачем разделять землю на враждебные кусочки и забавляться ими, словно мальчишки бабкой? Ах, мне кажется, что уж слишком бойко вертится наша земля, - не разлетелась

бы она вдребезги от этой всенарастающей скорости. Я тревожусь о чем-то... Мне хотелось бы взять земной шар за пазуху, к сердцу, и поиграть, приласкать, успокоить. Я, Чабан, самый мирный человек на свете. Я сохраню землю от зла, как стадо овец от волков. Во мне таится богатырская сила. Ибо я Чабан, человек, но я все же боюсь. Я боюсь, что не все люди думают, как я, что надо мною будут смеяться, узнай они, о чем я думаю...» [2].

Однако Чабан, мечтающий объединить мир, остро замечает неразбериху в собственной жизни: свое несоответствие понятию счастья, промахи, ошибки, неумение двигаться вперед, к духовному совершенству, к улучшению семейного быта, условий труда. Он осознает с горечью неосуществимость своей мечты быть художником из-за привязанности к привычным жизненным условиям. Гораздо ярче выражены его переживания, когда он снова решает сделать выбор: смириться ли ему со своим «синдромом существования» или же решиться на его преодоление.

Автор прослеживает все его сомнения, разочарования, печали, безволие, которые распознаются в отсутствии жизненной позиции, собственного взгляда на явления, в выполнении одних и тех же трудовых обязательств, к которым не лежит сердце. События развиваются неторопливо и с каждым эпизодом усиливают эмоциональную напряженность героя. Повесть воспроизводит повседневные дела и взаимоотношения Чабана (воспитание детей, радость от покупки им обновок, конфет, школьных принадлежностей, неверность чувственной, практичной и насквозь заземленной Жены, образ которой также является собирательным), раскрывая в стилистике, во внутренней и внешней речи персонажей, в их облике историю его души. Во всех своих поступках Чабан несвободен, так как не может выразить свободу воли. На образе Чабана рассеивается всеобщая мораль аула о соблюдении устоявшихся социальных и культурных норм, которая содержит неуважение к независимости мышления человека. Чабан подвергает сомнению установившиеся нравственные ценности, рассматривает свою идентичность с другими. С точки зрения окружающих, она должна соответствовать традиции, во многом отрицающей самостоятельное выражение человеком собственной идентичности. Чабана никто не заставлял заниматься ча-

банским трудом, тем не менее, он предпринимает действия в соответствии с укорененными в сознании людей моральными нормами. Вряд ли он задумывался в благоприятной для него жизненной ситуации, что свобода выбора профессии не является нарушением нравственности. Чабана не покидает мысль о том, что он, несмотря на благополучие (есть семья, дети) потерял как духовная личность. Ирония у него развивается и по отношению к другим жителям аула. В русле советского мышления он осуждает самого денежного на всю округу «беднягу», чабана Шыгайбая за любовь к деньгам, живущего по другую сторону склона горы, и заурядных в определении жизненных ценностей людей. Более того, Чабан внутренне не согласен с их неинтересной, равнодушной к цивилизации, построенной по вековой схеме, жизнью, где нет четкого движения мыслей.

Чабан убежден, что в обществе должны цениться свобода и знания, задается вопросом о кризисе труда чабана, традиционно связанного с жизнью кочевника. В отношении самого он воспринимает эту работу, как несовпадающую с его идеалами. Чабан не в состоянии примирить различные ценности и перспективы, чувствует виновность людей в ауле и, прежде всего, самого себя. Эти его чувства переходят в экзистенциализм и отрицание существующих жизненных установок.

Проблема его легко определяется в безволии, в несвободе действий, выразившихся в отказе ехать учиться в город, в женитьбе не по любви после заурядной любовной интрижки в темную пору олиары-межлуныя. Причина заключается и в том, что выбор пути делает за него Жена, унижающая его, но иногда жалеющая за то, что он не стал творцом мира. Чабан тяжело осознает крушение надежд, свою неправильность в отступлении от мечты, неспособность устранить неподвижность своего существования.

Он устремлен к преодолению своей обезличенности и внутренней ограниченности, хочет выйти из своей данности или же соответствовать образу чабана - отшельника и мечтателя, спокойно осуществляющего свое предназначение на земле. Тем не менее, работая чабаном, не делает никаких попыток заниматься творчеством для души, для собственного саморазвития, не реформирует жизнь соответственно своим способнос-

тям. Его внутренний протест направлен прежде всего на самого себя, статичного и неподвижного.

Повесть представляет поток переживаний в раскрытии душевной жизни. Семейно-бытовые коллизии в ней наполнены психологическим содержанием. Чабан также осознает, что они с Женой духовно не принадлежат друг другу, что любовь для нее – это только обладание, а не высшая эстетическая ценность, поэтому и отношения у них невротические, с раздражительным разоблачением. Его печаль исходит и из обманутой любви, и из непонимания самого себя, противоречивого в мыслях и поступках. Он ищет выход из конфликтных ситуаций, из аула, где нет душевной жизни, из опостылевшего труда, не приносящего ему радости, из самого себя, как ему представляется, устаревшего и несостоявшегося человека. Ни в чем он не видит свой эстетический идеал. Авторское мироощущение характеризует трагическое восприятие некоторых сторон бытия, духовного одиночества человека.

«Олиара» имеет сходство с пасторальным романом О. д. Юрфе «Астрея» (1607-1627), написанной в стиле барокко, где основная идея прослежена в поисках утраченного смысла, мира стабильных знаков. О. Бокеев сближается в своем творчестве с латиноамериканскими писателями – А.Карпентьером, Г.Маркесом, Х.Кортасаром и другими, раскрывших в произведениях тему «варварства и цивилизации».

Чабан рассматривает свою опостылевшую жизнь как утрату всех смыслов, всех целей и инициатив. В нем притупляются чувства долга, ответственности за судьбу семьи. Он не видит смысла дальше формировать цели. Утрата смысла жизни, как результат его необдуманного поступка, безвольного характера становится источником его нового влечения и движения, к иной цели – суициду. Этот решительный выбор он делает в бессмысленной ситуации, видя свой нравственный смысл выхода из самоограничений в смерть. Чабан в жесткой повседневности жизни не находит силу от родной земли, другой выход из своего существования. Общество рассматривает его только как Чабана, не желая видеть его другим, Жена – как невезучего мужа, при котором не стесняется принимать ухаживания лицемерного зоотехника.

По сути чабан – безликий человек, чувствующий свою ущербность, духовную смерть, без-

действие даже во имя семьи (откладывает на потом ремонт зимнего домика, ссылаясь на усталость). Он и в семейной жизни не может преодолеть своего одиночества. В школьные годы Чабан, когда был известен как художник, нарисовал в сочинении небольшое солнце, горы, у подножья – одинокую юрту, одинокую лошадь и одинокого человека, глядевшего на горы. Этот рисунок как бы предопределил всю его дальнейшую жизнь, в которой он не сформировал себя как человека культуры. Обманы, ошибки, безволие, и нерешительность – все это вводит сумятицу в его бытие.

Писателя интересует глубина человеческой души, отсюда и символика в подаче характера, интерес к мифологии и фольклору. Его философский стиль усложнен аллегориями, эстетизирован, отличается тонким пониманием природы. В нем прослеживаются подчеркиваемая в фольклоре общность природы и человека, раздумья о бренности человеческого существования.

В повести, во многом постмодернистской, допускающей различные интерпретации, сочетаются мифологические мотивы и символы, заметно языческое мироощущение. Мифологический смысл приобретают образы заброшенных, убогих саманных домишек с наглухо заколоченными окнами, олицетворяющие молчаливость аксакалов среди молодежи, «тоскующей в шумной праздности», болезненное сознание Чабана. В контекст вводится метафора его зимовья, «притулившегося под боком высокой скалы вдали от аула» как образная параллель между человеком и окружающими его предметами. В повести конь Мухортой, верный друг Чабана, соответствует символу высшего мира (у казахов), выступает образом его земной радости.

Среди синтаксических средств помимо словосочетаний, вводных конструкций особое место занимают сравнения, включающие народные представления об образах и явлениях, конкретизирующие содержание: скала, похожая на «уложенные в стопу одеяла из девичьего приданого» [3]. Волны Бухтармы, сверкающие как серебряные шолпы красавицы Алтай-Ару, которые она впопыхах обронила меж белых берез» (4) и другие.

Природа рассматривается в стиле языческой и фольклорной традиции, в нерасторжимом единстве с человеком, ищущим в ней утешение. Языческие символы *олиары, леса, дерева, гро-*

зы, молнии, бури передают тонкие оттенки чувств, внутреннего состояния Чабана, раскрывают связь между бытием и небытием. В повести выражено тяготение Чабана к природным началам, к жертвенной смерти. Экспрессия его переживаний приводит к возникновению природной стихии.

Одним из главных мотивов и образов, центральной метафорой в художественной системе повести является образ олиары, объясняющей характер Чабана. Перед концом своего земного пути в душевном смятении он уподобляется олиаре. В ночь безлуны и олиары он встретился с Женой, которая не стала для него воплощением Луны. Он так и прожил с ней в потемках, не найдя в ее облике ни Вечной Женственности, ни высокой Мудрости. Писатель передает трагичность момента – это тихий, безвозвратный уход Чабана из «сна жизни» к деревьям, во тьму леса. Уход в природу происходит во время сильной осенней бури с молниями среди крошечной ночной тьмы олиары – безлуны. Разгулявшаяся природная стихия, сливающаяся с его внутренней душевной грозой, разносит юрту Чабана, и в это же время его Жена рождает под могучей лиственницей. Происходит вселенское движение, земное, природное, рождение новой, тайной для Чабана жизни. Вода как символ очищения и вечно меняющегося мира иллюзий позволяет ему достичь духовного просветления. В стиле повести просматривается культ дерева, распространенный почти у всех народов мира (у египтян, евреев, индусов, китайцев, греков, персов, скандинавов, японцев, славян, тюрков и других). Деревья, постоянно упоминаемые в священных писаниях языческих народов, в религиозных учениях (Дерево жизни, Древо Познания Добра и Зла как мистерии равновесия, как секрет смертности и бессмертия), отражаются в повести как символы целостности, жизненной силы, божественной преграды и защиты. Чабан, растворяясь среди деревьев, становится как бы сам деревом, олицетворяющим организованную жизнь. Исчезновение Чабана в густых ветвях дерева во время разыгравшейся природной стихии в ночь олиары, входение в лес символизируют его окончательную слитность с природой, со своим мифологическим прародителем. Это вход Чабана в иной мир, в вечность.

Актуальность приобретает символ ночи. Четкая кульминация в сюжете, связанная с изменой жены, ее недобродетелью, и трагическим исходом героя, включает элементы ирреальной таинственности. Олиара может рассматриваться как символ нечистой силы, усиленной молнией, влияющей на дальнейшие взаимоотношения Чабана и Жены. Их общение становится особенно близким в ночь олиары, когда просыпаются потусторонние силы. Ночь олиары может толковаться и как демоническое начало, и как проявление божьего дела. (В повести автор не раскрывает связи человека с Богом, показывая его безбожность). Если исходить из народного фольклора, то вряд ли можно считать случайностью в стиле повести рождение ребенка в ночь олиары. Чабан трансформируется в новых формах, может быть, в образе шестого ребенка, рожденного его Женой в грозу и безлунье. Символика олиары как нечистой силы проявляется в ребенке, названном не Адилем (означает правдивый), как хотел Чабан, а как решила Жена – Алдауышем (обманщик, лукавый). В повести также прослеживается другой смысл – женский принцип, утвержденный в некоторых религиозных символах ислама и христианства, согласно которым таинство мира заключено в Вечной Женственности, Мудрости и Красоте. Возможно, повесть приоткрывает обманутость Чабана в собственном непонимании Природы и Человека и прославляет Непорочную мать с ребенком в руках, земную, извечно восприимчивую к инициациям, олицетворяющую мирскую вселенную.

В композиции повести отмечается сюжетная незавершенность, придающая ей налет загадочности. Повесть пронизывает иносказательность, направленная на раскрытие загадки человеческой природы, противоречивости всего сущего, на неизбежность вечного изменения событий, судеб, мыслей, общений.

О.Бокеев показывает недостаточный уровень образования в ауле и понимания его как общественного блага. Он развивает мысль, что адаптироваться к изменяющемуся миру может саморазвивающийся человек, отсюда вопрос о Чабане, существующего без понимания основной цели в жизни и ее достижения, поэтому бессильного в жизненных ситуациях. Очевидна и связанная с ним проблема о создании новых

мотивов в пользу чабанского дела в сохранении культурных народных традиций. Суть бытия Чабана, терпящего поражения, безнадежно, но емко выражена одним из героев повести А.Кекильбаева «Мартовский снег» [5]: «Какой с бедняги спрос, если он привык видеть смысл жизни и богатство лишь в этой отаре, которая послушно бредет перед ним?». Вот такой же человеческий кризис проявляется в повестях «Снежная девушка» О.Бокеева, «Абориген» Д.Досжанова, «На отшибе» Д.Исабекова и многих других писателей, где люди медленно проживают свою жизнь, наедине с сами собою обдумывая горести и страдания простого человека. Для О. Бокеева важно раскрыть человека, который должен преобразовывать прежде всего самого себя, если он хочет изменить свое стабильное бытие и окружающий мир, которые по сути являются нестабильными. В честном и порядочном Чабане прослеживается трагическая предопределенность судьбы как причины нерешительности его характера и как следствие невыполнения чело-

веком своего назначения на земле. Образ Чабана видится в сплошном переживании, где он предстает не просто скромным, но приниженным в собственной самохарактеристике. Это выражается лексическими средствами, частотным употреблением слов и словосочетаний с выраженной оценкой: *жаман (плохой), глупый, недостойный, бедный* и т.д., заставляющие сочувствовать ему и размышлять.

В повести нестабильность существования Чабана в понятии национального достоинства заключает в себе поиск его «национальной души», которая осмысливается в бесконечном движении и изменении его бытия и сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокеев О. Олиара: Повести // Крик. М., 1984.
2. Там же. С. 245.
3. С.249.
4. С. 266.
5. Кекильбаев А. Мартовский снег: Повести и рассказы. М., 1988. С.29. (Пер. с каз. яз.).